

RU

Геопозэтический образ тайги в прозе А. В. Елисеева

Васильева Т. В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущностных черт геопозэтического образа дальневосточной тайги в прозе А. В. Елисеева как одного из доминантных топосов дальневосточного локального свертхтекста. На примере анализа путевой прозы А. В. Елисеева, посвященной Дальнему Востоку, автор выдвигает гипотезу о наличии в геопозэтическом представлении пространства тайги рекуррентных сюжетов, персонажей и мотивов, обусловленных фронтирным «дальневосточным мифом». Цель исследования – выявление художественной специфики репрезентации пространства дальневосточной тайги как доминантного смыслообразующего топоса геопозэтического образа Дальнего Востока. Научная новизна заключается в рассмотрении эволюции образа тайги в творчестве А. В. Елисеева, а также в выявлении доминантных черт образа таежного пространства в общем историко-литературном контексте. Полученные результаты показали, что в геопозэтическом образе тайги как «узнаваемом» топосе, связанном с территорией Дальнего Востока, нашли отражения и объективные природно-географические черты, и символическо-концептуальные (стихийность и неповторимость природного пространства, нравственная и физическая исключительность субъектов, взаимодействующих с тайгой и т. д.).

EN

The geopoetic image of the taiga in the prose of A. V. Eliseev

T. V. Vasilyeva

Abstract. The article is devoted to the study of the essential features of the geopoetic image of the Far Eastern taiga in the prose of A. V. Eliseev as one of the dominant topoi of the Far Eastern local hypertext. Based on the analysis of A. V. Eliseev's travel prose dedicated to the Far East, the author hypothesizes the presence of recurrent plots, characters, and motifs in the geopoetic representation of the taiga space, conditioned by the frontier "Far Eastern myth". The aim of the study is to identify the artistic specificity of the representation of the Far Eastern taiga space as a dominant meaning-forming topos of the geopoetic image of the Far East. The scientific novelty lies in examining the evolution of the taiga image in the works of A. V. Eliseev, as well as in identifying the dominant features of the taiga space image in the general historical and literary context. The results obtained showed that the geopoetic image of the taiga as a "recognizable" topos associated with the Far East reflects both objective natural and geographical features, and symbolic and conceptual ones (spontaneity and uniqueness of the natural space, moral and physical exclusivity of the subjects interacting with the taiga, etc.).

Введение

В современном литературоведении не ослабевает интерес к геопозэтике пространства. Под геопозэтикой, вслед за В. В. Абашевым (2012), принято понимать специфику художественного освоения пространства в единстве его природно-географической, культурно-исторической и социокультурной составляющих, воплощаемых в семиотических формах. Центральным понятием геопозэтики становится геопозэтический образ, проявляющий себя в ткани повествования как квинтэссенция субъективного взаимодействия субъекта (автор, читатель, персонаж) с пространством. Важнейшей сущностной чертой геопозэтического образа является его символическая природа. По словам В. В. Абашева, «геопозэтический образ – это символический образ территории как единого целого», в котором «территория, ландшафт... осознаются как значимая инстанция в иерархии уровней природного мира и становятся предметами эстетической и философской рефлексии... ландшафт концептуализируется и его доминирующие черты получают символическое осмысление» (2012, с. 144). Развитие концепции геопозэтической образности, вслед за В. В. Абашевым, продолжилось в трудах, обращенных к проблеме региональных локальных текстов. В частности, исследователь северного текста русской культуры Е. Ш. Галимова (2012) связывает текстопорождающую значимость геопозэтического образа пространства с менталитетом этногрупп,

взаимодействующих в межкультурном пространстве, воплощенном в геопозитическом образе. Безусловно, это свойственно региональным локальным текстам (северному, алтайскому, кавказскому, уральскому, дальневосточному), поскольку топика текстов часто связана с пространством межкультурного взаимодействия, и художественный мир включает образы инокультурных персонажей. Все это обуславливает особую логику описания геопозитического образа, где алгоритмизация описания идет в векторе: 1) описание реального географического пространства, ставшего объектом художественной рефлексии; 2) описание символического значения и культурных кодов, репрезентированных в геопозитическом образе, важных для художественного пространства произведения; 3) описание субъектной рефлексии места, опыта взаимодействия субъекта пространства с этим пространством. Анализ многих исследований геопозитической образности и топосов локальных текстов показывает, что для того или иного локального текста характерен доминантный топос: топос моря и острова для северного текста, «перевернутой» горы и подземелья для уральского текста, топос горы для кавказского текста, топос тайги и моря для дальневосточного текста (Александрова-Осокина, 2020). Методология описания дальневосточного локального текста находится в стадии формирования (Александрова-Осокина, 2020). Под ним понимается корпус текстов о Дальнем Востоке, мыслимый как единое структурно-системное образование с характерным набором тематико-идейных блоков и определенных стилистических приемов, репрезентирующих представление о Дальнем Востоке как территории восточного фронта (Милянчук, 2014). Фронт, с одной стороны, выступает как реальная географическая и историко-культурная точка (граница), где встречаются и взаимодействуют различные этносы, культуры, цивилизации, с другой стороны, как воплощенный в различных семиотических формах (литература, архитектура, живопись, музыка и т. д.) ментальный образ-миф, формирующий и репрезентирующий «дух» места, геопозитический образ восточной территории (Забияко, 2016; Головнев, 2019; Головнева, Мартишина, 2018). Нарративные репрезентации фронтальных произведений связаны с темами исключительности природного пространства, символического преодоления границы через категории «свое/чужое», с героизацией характеров и с авантюризацией сюжетов (Милянчук, 2014).

Творчество А. В. Елисеева в формировании образа восточного фронта и канонов поэтики фронтальной прозы занимает значимое место. А. В. Елисеева – автора книги очерков «По белу свету», ряда очерков, изданных в различных литературных журналах («Львиные ночи», «На развалинах Трои», «В стране Туарегов» и др.), путевых отчетов и заметок в научно-популярных изданиях – Д. Н. Мамин-Сибиряк характеризовал «как человека с чуткой душой, тонкого наблюдателя, окрыленного всесторонними знаниями, как, наконец, страстного и глубокого любителя природы, понимавшего самые тончайшие проявления ее многосложной жизни и находившего в них ответ на глубокие запросы из другого мира» (1895, с. 195). образу Дальнего Востока писатель посвятил очерки «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)», 1891 г., «По Южно-Уссурийскому краю» (1891 г.) и «Отчет о поездке на Дальний Восток» (1890 г.), изданный в XXVI томе «Известий» Императорского Русского географического общества. Если очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» описывался в контексте значимости для литературы о Дальнем Востоке (Александрова-Осокина (Хайруллина), 2001), то два других произведения оставались за пределами внимания, хотя и тематически, и идейно, и в структурно-формальном аспекте они связаны в единый комплекс, посвященный освещению «амурского вопроса».

Предметом настоящей статьи является специфика репрезентации топоса тайги в прозе А. В. Елисеева, а также доминантные смыслы в геопозитической семантике образа таежного пространства.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью воссоздания целостности историко-литературного процесса, одной из значимых вех которого являлось формирование и развитие литературы восточного фронта. Согласно фронтальной парадигме исследований литературы о Дальнем Востоке пространство, в том числе и топос тайги, рассматривается как фронт, как территория порубежья, как точка встречи различных культур, а также границы продвижения цивилизации в мир природы. Развитие геопозитического подхода в методологии анализа литературы восточного фронта требует введения в литературоведческий контекст таких понятий, как «фронтальный хронотоп», «фронтальная поэтика», важной частью которых является локативно-топосные единицы дискурса. Исследование формирования в прозе А. В. Елисеева геопозитической семантики топоса дальневосточной тайги представляется актуальным, поскольку его творчество стало поворотной вехой в переходе от объективно-географического дискурса путевой публицистики к художественным формам отражения особенностей фронтального пространства дальневосточной территории, став каноном для последующей путевой, природоведческой и приключенческой литературы о Дальнем Востоке. Целесообразность изучения темы связана, во-первых, с необходимостью расширения представлений о сущностных чертах топоса тайги как одного из центральных топосов фронтального хронотопа дальневосточного локального свертхтекста, во-вторых, с важностью исследования творчества А. В. Елисеева в общем контексте развития литературы восточного фронта.

Теоретической базой исследования послужили работы по теории хронотопа и поэтики пространства (Бахтин, 1986; Лотман, 1992; Топоров, 1983; Степанов, 2001; Меднис, 2003); труды, посвященные исследованию художественного мира литературы восточного фронта (Александрова-Осокина (Хайруллина), 2001; 2020; Забияко, 2013; 2016; Головнев, 2019; Головнева, Мартишина, 2018; Милянчук, 2014; Фетисова, 2006), а также труды по геопозитике и теории локального текста (Абашев, 2012; Галимова, 2012; Замятин, 2004; 2006; Корбалева, 2015; 2019; Люсий, 2016).

Данное исследование предполагает решение следующих задач: 1) рассмотреть идейную и стилистическую эволюцию представления образа дальневосточной тайги в прозе А. В. Елисеева; 2) выделить смыслообразующие элементы художественного мира в очерке А. В. Елисеева «В тайге» (1890) в контексте фронтальной прозы; 3) рассмотреть поэтику создания геопозитического образа пространства тайги как репрезентанта фронтального хронотопа.

Исследование проводилось на материале travelогов А. В. Елисеева, посвященных Дальнему Востоку, а также для работы привлекались различные литературные источники, связанные с репрезентацией образа дальневосточной тайги:

- Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Эксмо, 2016;
- Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке). СПб., 1891;
- Елисеев А. В. Отчет о поездке на Дальний Восток // Известия Императорского Русского географического общества. 1890. Т. XXVI;
- Елисеев А. В. По белу свету: очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света: в 4 т. Изд-е 2-е. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1903. Т. 4;
- Елисеев А. В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический вестник. 1891. Т. XLIII;
- Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867-1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990;
- Пришвин М. М. Женьшень. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1980;
- Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя. М.: Молодая гвардия, 1966;
- Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб.: А. Ф. Девриен, ценз., 1897.

Выбор материала исследования обусловлен генетической связью произведений. В частности, в творчестве А. В. Елисеева публицистический «Отчет о поездке на Дальний Восток» (1890) стал прототекстом для художественного очерка «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)», а серия очерков «По белу свету» позволяет рассмотреть очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» в общем контексте travelогов писателя. Произведения Елисеева, посвященные образу дальневосточной тайги, оказали влияние на формирование и развитие этого образа в дальнейшем контексте литературы восточного фронта (Д. И. Шрейдер, М. М. Пришвин, В. К. Арсеньев и другие).

Историко-ретроспективный метод дал возможность отследить и выявить устойчивые черты в геопозитическом образе тайги и рассмотреть специфику его художественной репрезентации. Биографический метод позволил обозначить хронологические рамки путешествий А. В. Елисеева и установить связь между различными его произведениями и периодом пребывания на Дальнем Востоке.

Кроме того, в исследовании привлекался компаративный метод, посредством которого сопоставлялись черты образа тайги в различных произведениях А. В. Елисеева и отслеживалась их трансформация, а также метод контекстного анализа для изучения средств художественной выразительности, с помощью которых А. В. Елисеевым создается геопозитический образ таежного пространства.

Практическая значимость статьи заключается в том, что собранный фактический материал может быть использован в комплексных описаниях литературы восточного фронта. Предложенный автором подход может быть востребован в нарративных исследованиях значимых топосов, составляющих семантическое ядро художественной репрезентации пространства Дальнего Востока. Полученные результаты можно использовать в курсах «История русской литературы», «Литературная регионалистика», а также при изучении дисциплин краеведческого цикла, посвященного дальневосточной литературе.

Обсуждение и результаты

Геопозитическому образу Дальнего Востока в прозе А. В. Елисеева посвящены три произведения: «Отчет о поездке на Дальний Восток» (1890), опубликованный в XXVI томе «Известий» Императорского Русского географического общества; очерк «По Южно-Уссурийскому краю», изданный в XLIII томе «Исторического вестника» (1891), включенный впоследствии в книгу «По белу свету» (1903), объединившую путевую прозу писателя о различных путешествиях по всему миру; и очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)», вышедший отдельным изданием в 1891 г. В этих произведениях, помимо тематической связи, наблюдается идейно-сюжетная связь; при этом они разноплановы в жанрово-стилистическом отношении. В частности, «Отчет о поездке на Дальний Восток» (1890) представляет собой запись устного доклада для Императорского Русского географического общества; он отличается документально-объективным дискурсом, большим количеством фактического материала и научных и практико-экономических размышлений писателя-путешественника касательно решения основных проблем «амурского вопроса», связанных с положением инородцев на Дальнем Востоке и социально-экономических проблем переселенцев. В очерке «По Южно-Уссурийскому краю» в литературно-художественной форме, хотя еще сильно тяготеющей к публицистике, рассматривается одна из проблем, заявленных в отчете, а именно явление «казачины» – неудачного эксперимента по вовлечению крестьян-переселенцев в формирование Уссурийского казачества через переформатирование крестьянских поселений с их традиционным укладом в станицы «охранных» приграничных казаков. Очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» является поворотным в истории развития литературы восточного фронта, поскольку в нем традиционный до А. В. Елисеева объективно-публицистический дискурс литературы путешествий и природоведческой прозы о Дальнем Востоке сменяется на художественный, то есть географический очерк приближается к жанрам малой литературной формы. Топос тайги для всех трех произведений является значимым и концептуализирует основные черты «мифа о Дальнем Востоке». Так, уже в «Отчете о поездке на Дальний Восток» тайга представляется как пространство традиционных промыслов коренных народов: «Я видел приготовление пантов во время своих блужданий по уссурийской тайге и удивлялся тому терпению, которым мой опытный

проводник, настоящий немврод Манчжурии, обрабатывал с нашей точки зрения ничего не стоящие рога» (Елисеев, 1890, с. 23). Писатель детально описывает способы приготовления пантов и сбор женьшеня, подчеркивает их значимость для восточных народов и предполагает, что включенность русских в традиционные промыслы в тайге обеспечила бы экономическую выгоду государству. Особое место А. В. Елисеев отводит охоте. Будучи сам страстным охотником, он интересуется и экзотичной для русского читателя охотой на уссурийского тигра, и охотой на соболей, которую писатель считает экономически целесообразной на этих территориях. Таким образом, можно отметить, что в «Отчете...» характеристика тайги дается Елисеевым преимущественно в объективно-географическом ключе с целью оценки последующей экономической деятельности русских на новых к тому времени территориях. Однако уже в «Отчете...» появляется геопоэтизация тайги как пространства фронта и межкультурной коммуникации. При этом, в отличие от традиционного фронтального представления о «пустоте» (ментальное отрицание и редукция опыта предшествующих цивилизаций, «дикость» пространства), у Елисеева подчеркивается значимость наследия коренных народов, от которых, например, русские получили сеть дорог: «Манзы задолго до прихода русских в бассейн Уссури протоптали всю тайгу, добывая женьшень, соболей, золотой песок и панты. Русские поселенцы потому нашли здесь готовую сеть дорог, и это облегчило первые шаги колонизации» (1890, с. 12).

В «Отчете о поездке на Дальний Восток» впервые в литературе восточного фронта появляется образ проводника – инокультурного героя (Васильева, 2021), архетип которого станет постоянным в различных произведениях, посвященных Дальнему Востоку (одиноким манза-«пантас» Кинь Кою Сап у Д. И. Шрейдера, пришвинский Лувэн в «Женьшене», арсеньевский Дерсу Узала, а также ряд образов проводников-охотников из числа коренных народов в литературе XX в.). В «Отчете...» образ проводника еще не романтизирован, хотя Елисеев уже называет Тунли «настоящий немврод Манчжурии», но повествование о нем сводится к описанию совместного промысла в тайге, а образу Тунли отводится эпизодическая функция для знакомства читателей с бытом и промыслами коренной социокультурной группы манз-охотников. Тем не менее топос тайги в «Отчете о поездке на Дальний Восток» уже представляется не только как источник будущей социально-экономической деятельности на территории Уссурийского края, но и как пространство межкультурной коммуникации, где должен выстраиваться диалог между традиционной культурой, восточной и русской.

В очерке «По Южно-Уссурийскому краю» образу человека пространства тайги – манзе Тунли уже приданы литературные черты, пришедшие из традиций западной приключенческой литературы (Жюль Верн, Луи Буссенар и т. д.), в которой проводнику-аборигену придаются исключительные черты: «Я заметил одного старика, как-то выгодно отличавшегося от прочих. Высокий, стройный мускулистый, он не прятался от моих глаз, а глядел мне прямо в лицо, будто желая что-то спросить... наш новый знакомый своего рода знаменитость, первый охотник между пограничными манзами... Он был настоящим царем тайги, идущим по верховьям Суйфуна» (Елисеев, 1891, с. 733). Писатель постоянно подчеркивает связь Тунли с тайгой как в прямых эпизодах (слепопытство, охота на тигров, сбор женьшеня), так и метафорически: «Чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца, ловкость тигра – вот качества, которые чуть ли не от рождения унаследовал Тунли... его жена была дикая тайга, его братья – дикие звери, его дети – бесприютные манзы» (Елисеев, 1891, с. 733). Эти художественные характеристики, в отдельных случаях дословно, будут включены в очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» и сформируют традицию представления проводников-аборигенов в русской приключенческой литературе (немолодой возраст, но сильная выносливость; нравственное здоровье и близость к природе; слепопытство – «чтение тайги как книги», помощь путнику и т. д.).

Пространство тайги, так же как и в «Отчете...», в очерке «По Южно-Уссурийскому краю» представлено объективно-географически, но в художественном описании уже формируются основные черты геопоэтического образа тайги, такие как: 1) смешение природных форм севера и юга, репрезентируемое через метафоризацию («растут рядом сосна и виноград», «великолепный тигр живет здесь рядом с темно-бурым медведем, барс с сободем...» (Елисеев, 1891, с. 736)); 2) непроходимость тайги, наличие подлеска и лиан («дебри»; «сеть плющей, повилики и винограда, сплетающихся между собой и стволами деревьев... образуют такие непроходимые чащи, перед которыми местами бессилён сам топор» (Елисеев, 1891, с. 736)); 3) тайга как единое целое, «зеленый океан», пространство многообразия жизни («Тайга – это колоссальная живая масса, зеленый океан, в котором тысячи и миллионы разнообразных растительных организмов слились в одно целое...» (Елисеев, 1891, с. 736)); 4) гиперболизация флоры («деревья поднимаются здесь до десятка саженей, кусты образуют непроницаемые стены, а травы скрывают не только оленя, но и всадника вместе с конем» (Елисеев, 1891, с. 736)). В целом топос тайги разворачивается в дискурсе, подчеркивающим природную исключительность таежного пространства, что в дальнейшем будет свойственно литературе восточного фронта (Пришвин, Арсеньев, Федосеев и многие другие).

Если в «Отчете о поездке на Дальний Восток» и очерке «По Южно-Уссурийскому краю» топос тайги преимущественно локативен, то в очерке «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» пространство сакрализуется и одушевляется, связывается с субъективно-авторской рефлексией и опытом «переживания» пространства. Повествование начинается с пейзажной зарисовки, которая придает лирическое настроение и передает одухотворенность и мистический облик пространства, приближаясь к сказочному эпосу: «Спит тайга, словно зачарованная... потонули бесконечные леса. Бледным туманом, словно клубами собственного дыхания, покрылись они... не шелохнется тайга. Остановленный могучей стеною леса, замер ветер с безбрежного моря: тайга с ее туманами поглотила его» (Елисеев, 1891, с. 3). Семантика чар и одушевленности связывает образ тайги с мифопоэтической картиной мира, где природа мыслилась живым субъектом, при этом здесь

находят отражение черты геопоэтики дальневосточного пространства, связанные с масштабностью (море/океан-тайга), протяженностью (бесконечность/безбрежность), труднопроходимостью («стена леса», поглощение). Эти мотивы в тексте и далее будут развиваться либо в прямом дискурсе (в высказываниях автора), либо в аллегорически-метафорическом виде (деревья-великаны, владыка-тигр, тайга как безбрежный океан и т. д.). Новым по сравнению с предыдущими произведениями в дискурсе становится включенность субъекта в переживание опыта взаимодействия с таежным пространством: «Спокойный сон тайги невольно передается всякому живому существу, нет силы бороться с ним, и напрасно, кажется, хлопочет наш усердный Фунчун» (Елисеев, 1891, с. 4). Локативные границы тайги также представлены в дискурсе через субъектное преломление, репрезентируясь в повествовании в характеристике таежного человека Тунли: «Много длинных и скучных лет прожил на своем веку Тунли; всю тайгу знает он от горных массивов Хингана до Амура, берега океана и песчаных пустынь Гоби» (Елисеев, 1891, с. 6).

Знаком мистического воплощения фатума тайги (природы) для Тунли является предсказание о гибели в схватке с тигром: «Ты умрешь в когтях тигра, – сказала ему давно... гадалка из Фу Чеу. – Не бегай от тигра в лесу, смерть найдет тебя и в постели, и в стенах родного города, и в море на корабле, если задумаешь ее избежать...» (Елисеев, 1891, с. 9). Мортальные мотивы и роль фатума раскрывают образ тайги в концепции натурфилософии природы, где человек мыслился частицей животворящего и разрушающего бытийного целого, а природные силы, стихия и неотвратимый рок довели над человеком. Для писателя Тунли – идеал человека, умеющего жить по законам природы, а тайга – живое проявление натурфилософии бытия, самой жизни: «Такие люди, как Тунли... научают понимать глубже природу, читать яснее в ее раскрытой книге, находят счастье в общении с нею, доказывают примером собственной жизни, как могуч даже один, предоставленный самому себе, человек в борьбе и вместе с тем в союзе с всемогущей природой» (Елисеев, 1891, с. 11).

Вторую главу очерка предваряют авторские рассуждения о тайге и его связи с ней. Важнейшим мотивом становится мотив инициации, где тайга предстает пространством испытания человеком самого себя: «Тайга представлялась мне местом, где нет места людям, слабым духом и телом, где человек должен сжиться с матерью-природой, для того, чтобы существовать» (Елисеев, 1891, с. 13). Елисеев иллюстрирует мысль, прибегая к понятиям буддийской философии: «И кейф, и нирвана не созданы для обитателей леса... кейф ослабляет силы, нирвана ведет прямо к смерти» (Елисеев, 1891, с. 13). Смысл существования в пространстве тайги – борьба: «Борьба – удел этой жизни, но напряжение этой борьбы идет с напряжением самой жизни» (Елисеев, 1891, с. 13). Природосообразность борьбы в условиях тайги в дальнейшей литературе обусловила героизацию характеров (например, в советский период в прозе А. Фадеева, Г. А. Федосеева и т. д.). Для самого писателя тайга становится источником душевной рефлексии и очищения: «Вечно шумящая и вместе с тем полная сил и тишины, вечно полная жизни и движения – она кажется мне источником сил и вдохновения. Зеленый лес *целит* меня, дает новые силы груди, новые мысли мозгу, новые впечатления уму. Не по дням, а по часам обновляется весь мой организм, великий *врач-природа* целит весь организм своими волшебными чарами» (Елисеев, 1891, с. 9). А. В. Елисеев, вслед за Н. М. Пржевальским, также обозначает основные «опознавательные знаки» мира дальневосточной тайги – это уссурийский тигр и женьшень, но если у Пржевальского (1990) это объективно-географическая данность пространства, то у Елисеева им придается символический характер. Тигр представляется воплощенной мощью природы, фатумом, с которым человек вступает в схватку, а женьшень связывается с семантикой «корень жизни». Таким образом, можно заключить, что в творчестве Елисеева в топике пространства тайги нашли воплощения различные дискурсы представления пространства – от объективно-географического до символично-философского и геопоэтического.

Заключение

Геопоэтический образ Дальнего Востока основывается на концептуализации представления о природной исключительности дальневосточного пространства. Образное представление пространства тайги в литературе и публицистике восточного фронта претерпело эволюцию от детального объективно-географического изображения до символично-художественного и геопоэтического представления, в котором концептуализировались основные черты «мифа» о Дальнем Востоке как фронтирной территории, где происходят соприкосновение и взаимодействие различных явлений: природы и цивилизации, природных форм севера и юга, различных культур, языков и представителей разных народов. Тайга является не только локативом, который задает хронотоп повествования, но и топосом, обладающим символическим значением в контексте фронтирной парадигмы – места, которое обуславливает взаимопомощь и взаимодействие, культурный диалог между различными народами, а степень вторжения цивилизации в природное пространство возрождает в литературе экософский и натурфилософский дискурс. Проза А. В. Елисеева за небольшой временной период отразила все подходы к изображению тайги на фронтире – от объективно-оценочного дискурса описания пространства тайги как объекта цивилизационной хозяйственно-экономической деятельности до субъективного пространства вечных смыслов, рождаемых в сознании автора-художника, переживающего опыт соприкосновения с пространством тайги, а также символического мифопоэтического воплощения представлений о природе как едином всеобщем универсуме и источнике законов жизни. Можно заключить, что в репрезентации геопоэтического образа тайги в прозе А. В. Елисеева доминантными идейно-тематическими мотивами становятся мотивы преодоления пространства (путешествие автора с его проводником, труднопроходимость пространства,

схватка с тигром), натурфилософские мотивы (мотивы жизни и смерти, мотивы рока и фатума, цикличности и многообразия жизненных форм), мотивы инициации (испытание выносливости и нравственного духа в пространстве тайги). Рекуррентными сюжетами для литературы восточного фронта вслед за прозой А. В. Елисеева станут встреча с инокультурным проводником, описание встречи в «лесной избушке» – фанзе, описание поиска «корня жизни» – женьшеня и встреча с тигром, образ которого символизируется как неотвратимый рок для человека в стихии природы и в процессе посягательства на нее. Эволюционный переход от объективно-географического представления тайги к символическо-концептуальному ввел в литературу такую семантику топоса тайги, как тайга-целитель (источник нравственного и физического здоровья), тайга как пространство диалога культур (идеализация инокультурных героев), тайга как источник гармонии, красоты и творчества. Эстетическая модель тайги как источника гармонии обусловила в идиисте писателя преобладание форм антитезы, сравнения и метафоры, а также преобладание в синтаксисе осложненных конструкций и сложных предложений, ориентированных на образцы древних эпических произведений, что позволяет отнести очерк «В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке)» к пограничному жанру, соединившему черты очерка (в меньшей степени) и повести (в большей). Геопозитический образ тайги является центральным в хронотопическом пространстве прозы А. В. Елисеева и формирует основные черты, свойственные дальневосточному локальному тексту, такие как протяженность пространств, вневременная парадигма, исключительность и героизация характеров, внесистемное (маргинальное) социокультурное пространство и т. д.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении специфики преломления составляющих геопозитического образа Дальнего Востока, обозначенных в прозе Елисеева («тигриная» тема, образ инокультурного персонажа, инициация в тайге и т. п.), в прозе М. М. Пришвина, В. К. Арсеньева, писателей дальневосточного направления натурфилософской прозы второй половины XX века и современного дискурса о Дальнем Востоке.

Источники | References

1. Абашев В. В. Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19).
2. Александрова-Осокина (Хайруллина) О. Н. Очерк второй половины 19 века: жанрово-стилевая характеристика; на материале очерков о российском Дальнем Востоке: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2001.
3. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопозитики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5.
4. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. литература, 1986.
5. Васильева Т. В. Художественные константы в изображении персонажей-представителей малых народностей в прозе В. П. Сыроева // Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации: материалы II всероссийской научно-методической конференции (с международным участием), посвященной 90-летию со дня рождения профессора Сергея Иннокентьевича Красноштанова (1930-2018) (г. Хабаровск, 26-28 ноября 2020 года). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021.
6. Галимова Е. Ш. Специфика северного сверхтекста как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 1.
7. Головнев И. А. Фронтирный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64).
8. Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1.
9. Забияко А. А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами (г. Благовещенск, 9-10 декабря 2013 года): сб. трудов конференции. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2013.
10. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирск. отделения РАН, 2016.
11. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Российский гос. гуманитарный ун-т. М.: Знак, 2006.
12. Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
13. Кораблев А. А. К вопросу о движении и продвижении понятия «геопозитика» // Филологические исследования: сб. науч. работ. К.: Издат. дом Дмитрия Бурого, 2015. Вып. 14.
14. Кораблев А. А. Онтология и аспектология локальных текстов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга. Волгоград: Перемена, 2019.
15. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
16. Люсий А. П. Карта текстологической полифонии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. № 5.

17. Мамин-Сибиряк Д. Н. А. В. Елисеев. Страничка из воспоминаний // Мир божий. 1895. № 7.
18. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / науч. ред. Т. И. Печерская. Новосибирск: НГПУ, 2003.
19. Милянчук Н. С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог: сборник статей: к юбилею доктора филологических наук, профессора Елены Александровны Первушиной. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014.
20. Степанов Ю. С. Ментальные миры (Воображаемый мир, Возможный мир, а также Вселенная. Универсум) // Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
21. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983.
22. Фетисова Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII-XIX вв. // Россия и АТР. 2006. № 3 (53).

Информация об авторах | Author information

Васильева Татьяна Владимировна¹, к. филол. н.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Tatyana Vladimirovna Vasilyeva¹, PhD

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ t-1980@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2025; опубликовано online (published online): 06.03.2025.

Ключевые слова (keywords): А. В. Елисеев; дальневосточный локальный текст; геопозитический образ; топос тайги; образ инокультурного персонажа; A. V. Eliseev; Far Eastern local text; geopoetic image; taiga topos; image of a foreign culture character.